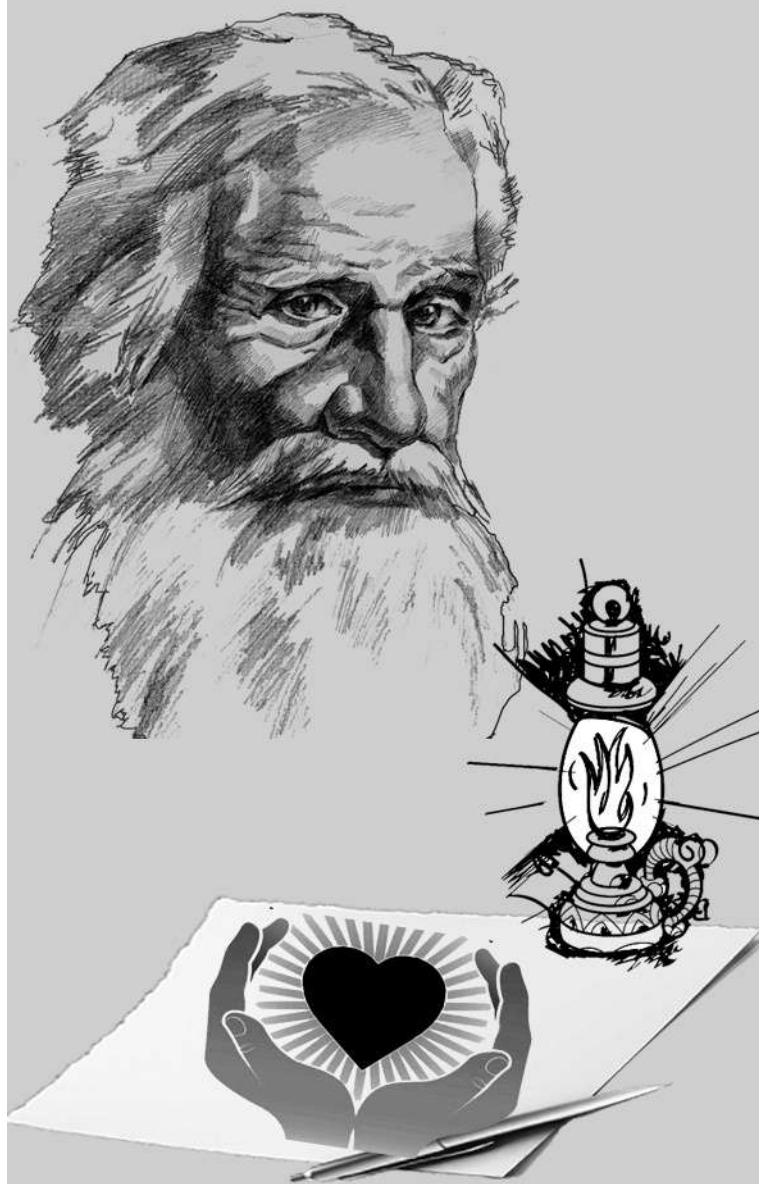

Дмитрий
ДАРИН
г. Москва

ЗАВЕЩАНИЕ

рассказ

У деда Силантия были красивые имя и борода. Ну, имя – понятно. А борода была под стать – важная, можно сказать, степенная. Не метлой, не лопатой и уж не очёсок какой.

Как белая волна, стекала с лица и впадала прямо в пояс. Торжественная борода. Правда, больше ничего красивого у деда Силантия не было. Пятистенка крепкая ещё не кренилась, но было уже в ней что-то уходящее. То ли обшарпанное крыльцо, то ли дух от старых циновок, то ли брёвна – кое-где насквозь потрескавшиеся. Внутри было чисто и пусто. Печь, стол у окна с облупленной белой рамой, полуистертая клеёнка на столе... Что ещё? Пара табуреток. Тахта в дальнем углу.

Каждую ночь, когда дед Силантий ложился почивать, тахта вместе со скрипом выдавала пыль. Столько пыли, что сложно не закашляться. Тогда кровать скрипела ещё больше, словно жалуясь хозяину на бессрочную службу.

Неуютно было в избе, но дед Силантий этого уже давно не замечал. Кормился рыбой с речки, картошкой с огорода, тушёнкой, что раньше привозил сын, а потом, когда сын скоропостижно умер от саркомы, – редкими консервами из сельпо. Внук Андрей не привозил ничего. Хотя нет, привёз новые поплавки да лесу в позапрошлом году, а из продуктов чего-то не догадался.

Андрей работал в городе – не в райцентре, а в самой Москве, в какой-то важной организации. Он говорил, да Силантий не запомнил. На эти мудрёные названия ухо у него было не приспособлено. Андрей приезжал с девушкой, сказал – невеста. Женился он или нет, Силантий не знал – на свадьбу его не звали, и письмом тоже известий не было. Может, женился, ну, а мож, и нет – у этих молодых да современных всё как-то непрочно.

Вот у них – Силантия и Меланьи – было прочней железа. Ещё бы, раз железо их и связало! Дед Силантий был тогда не дедом, а лейтенантом. И лежал раненый в госпитальной палатке, практически на передовой. А Меланья перевязку делала бойко так, умело и старалась боли лишней не причинить. Ему тогда под Гловом осколком полплеча разворотило. Хирург вынул всё, что смог. Меланья перевязывала уже, как мессеры налетели. Им хоть красный крест, хоть какой – бомбят в удовольствие. Палатку снесло к чертям, кровати попрокидыва-

ло. И вот сидит Меланья на его кровати в чистом поле под бомбами, молится, а он, полуперевязанный, здоровой рукой Меланьину ладошку сжал, глаза закрыл и тоже «Отче наш» вспоминает. Хирург мимо пробегает, орёт благим матом — не молиться, бежать надо со всех ног! Тут доктору голову и снесло. Начисто. Как доброй косой — ромашку. А Силантий с Меланьей так и остались на кровати: он — лежа, она — сидя, белая, как на ней халат, хотя в земле и крови лицо. А всё одно — оба белые, белее сметаны. И ведь даже не задело, испугом отделались. Когда мессеры ушли, он уже ладошку Меланьину не выпустил. Загадал: живы останутся — женится на ней. Она тогда еще на него глянула, но ничего супротив не сказала и руку не отняла.

Потом только, когда свадьбу играли, приналась: то же самое загадала, да у Господа молила, чтоб не разлучал. И если погибнуть, так вместе, тут же. Может, под этот загат и оставил их Всевышний на земле.

«Силантий-да-Меланья» — у соседей в присловье вошло, как Иван-да-Марья, настолько дружно жили, душа в душу, как ладонь в ладонь.

Силантий раньше плотничал, да как плотничал: глазам — на радость, заказчику — в удовольствии. Когда работал с инструментом, руки пели. Часто людям и за спасибо не отказывал, когда заказов негусто было. Не все, правда, красоту понимали. Колян, сосед наискосок, завсегда бычился, когда Силантий сам ему предлагал то кровлю на доме подлатать, то водосток банный починить, то забор поправить.

— Не лезь! Моё! Захочу — сам починю. А не захочу — нехай валится.

Силантий фыркал:

— Так ведь некрасиво, мил человек! Глянь: эндову повело совсем, следующую зиму не переживёт, крепить надо.

— Тебе-то чего? — настаивал сосед. — Моё! Некрасивое, а моё! Своё тревожь, моё не трожь!

— В некрасивом доме и жисть некрасивая!

— А ты мою жисть не трогай! Не тебе дадена!

Силантий пожимал плечами и отступался. Соседскую крышу действительно на Богоявление завалило. Колян пыхал молчаливой злобой, поднимал стропила, сделал кое-как и тут же запил. Потом, Силантий слышал, чуть ли не его винил Колян в той крыше: говорил, заломил Силантий цену небесную, а не по-божески. Так

и прожил Колян до самой смерти с переломанной баней да кривым, словно запойным, забором. С Силантием и Меланьей не здоровался и бабе своей Антонине заказал. А как помер через пару лет от пьянства, так Силантий, у вдовы не спрашивая, всё наладил.

— Как строишь, так и живёшь! — сказал напоследок, от платы, как и до того говорил, отказался.

Меланья, правда, дармовой работы не одобряла. Пилить не пилила, но мужу выговаривала.

— Ты не понимаешь, что ли? Не ценят люди. А то ещё и обижаются...

— За что же людям на мою работу обижаться? — недоумевал Силантий.

— Отплатить им нечем, в долгу себя чувствуют. Обязаны будто. Ну, а коли совесть есть, то неспокойно им как-то. В должниках слыть-то.

Силантий оглаживал свою бороду, но понять женины резоны никак не мог. Совесть, по его разумению, не для этого была предназначена. Но долго они всё равно не спорили, кто-то да переводил на другое — чаще Меланья, да скорее всего — на свою работу, точнее сказать, на свою зарплату.

Платили ей как почтальонше меньше трёх тысяч. Надбавки какие-то полагались, но их и так никто не видел, а потом и вовсе отменили. Так и померла — прямо там, на почте. Кто-то из очереди наорал, посылки своей не дождавшись. Будто Меланья за всю российскую почту в ответе. Охнула только, прижала охапку писем к сердцу, да так и осела — с чужими письмами в руках. Ни одного не выронила.

Врачи сказали: острая сердечная недостаточность. Силантий на кладбище тогда подумал: у человека, который своей злобой другого умеет убить, — вот у кого сердечная недостаточность. А земля таких носит.

Последние десять лет ходил Силантий на женину могилку каждый божий день. Следил, ухаживал. За домом своим уже не так смотрел, как раньше, душу не вкладывал. Душа с Меланьей ушла. Порядок, как мог, держал, не давал покривиться ни дому, ни себе. Но все же без Меланьи это был уже не дом, а так... жилище.

Земля, конечно, всех пережует. А пока жить нужно. Но чтобы понять как, и приходил сюда Силантий. Сидел, молча вздыхал в свою роскошную бороду. А как что приятное совсем из жизни вспоминалось, улыбался — тоже в боро-

ду, тишком. А в ведро почуял, что скоро и ему за Меланьей. Потому решил дед Силантий написать завещание.

Встал в тот день обычно — с зарей, но ни на реку, ни на погост не пошел, даже на двор не выглянул. Долго искал подходящую бумагу, не нашел, вырвал лист из старой Меланьиной тетрадки — той, куда покойница записывала все расходы, покупки нужные да сбережения с пенсии. Не успела закончить тетрадь Меланья, кончились её земные расходы раньше.

Вот такой листочек в линейку и вырвал дед Силантий — последний баланс сводить. Послунявил карандаш, потом всё-таки пошарил в ящике стола, достал авторучку. Завещание — документ серьезный, стираться не должен. Вывел, сопя над листом: «Моя последняя воля». Вырвал лист, написал по-другому: «Завещание гражданина Клименко Силантия Архиповича». Задумался. Долго так сидел дед Силантий с ручкой в старых коряжистых пальцах, смотря на пустой лист. Не над тем думал, что отписать по духовной, а над тем — кому. Вернее, кому, было ясно — внук был один. Не просто один внук, а из всей родни — один. Невестку Силантий не жаловал, особенно с тех пор, когда эта столичная мамзель на Меланьины поминки не приехала. Сын-то в Москву через неё попал. И столичную прописку по женитьбе получил. Старики были раз у них — когда внук Андрюша родился. Меланья много чего напекла, мёду взяла, всяких гостинцев по узелку. Эта, московская-то, с расфуфыренным именем Эльвира, бросила всё в холодильник не глядя.

Потом ещё Силантий в Москве был — уже у Андрея. Ещё до той девахи, с которой он их в деревне навещал. Нужно было Силантию одну бумагу выхлопотать — для всего села. Знали все, что у него внучок при начальстве — вот и снарядили. Что-то по пашням — между двумя районами ничейная земля образовалась. Отдать надо было бумагу в надежные руки, ответа дожидаться и привезти.

Бумагу-то отвез Силантий, а вот ответа не дождался, конечно. Но и Андрей упреждал: нет никакого смысла в Москве сидеть, ответ в район и так официально придёт. Силантий тоже так думал, но для порядка решил неделю «посидеть». Внук, конечно, не обрадовался, но квартира у него из двух комнат была, бабы на тот момент рядом не наблюдалось, так что стерпелись.

Походил Силантий по Москве, поездил. Огромный город, ничего не скажешь. Дома — под облака, а вот люди мелковаты. То ли в сравнении, то ли ещё как... Не по росту, конечно, а по сердцу. Точнее Силантий и сам бы не мог определить. Но что-то такое было в здешних людях... Примесь какая-то... К примеру, стояли они в пробке на окружной дороге. МКАД, если коротко назвать. Андрей чертыхался направо и налево, на него тоже огрызались. Ну, это понятно. Хотя они и не спешили особо, нервы всё ж не железные. Потом с левого ряда их скорая подвинула с сигналами да фарами. Больного, верно, везли или, наоборот, за больным ехали. И всё бы ничего, да Андрей и ещё несколько таких же ловких скорую пропустили и за ней на большой скорости — как за ледоколом по чистой воде. Силантию стало неловко. Выходило, что они чьей-то бедой пользуются. Поделился с внуком. Андрей только усмехнулся, Силантию показалось, не без превосходства.

— Ты чего, дедуль? Это ж Москва. Тут хлеблом щелкать нельзя. Либо ты, либо тебя. Мы вреда никому не делаем, закон не нарушаем. Так что расслабься.

«Либо тебя... Прямо как на войне», — подумал Силантий, но вслух возражать не стал. Но и «расслабляться» не хотелось. Закон законом, но на фронте таких пронырливых не любили.

А внук объяснил ещё:

— Ведь неизвестно, кого везут — больного или блатного. Сейчас они за деньги так мимо пробок народ возят, что побогаче. Как такси, только с гириандами. А если и к больному, так ему такой счёт выпишут!.. Мне сосед жалился как-то... Ещё подумаешь — может, сразу помереть легче было бы... Сосед кричит, приезжает докторша — этакая цаца, красивая, надушенная, напوماженная, халатиком своим беленьким шелестит, прямо как невеста — фатой...

Силантий поёрзал на сиденье. Вспомнил Меланью в халате тогда, под налётом. На фронте цац не было, а были санитарки, медсестры, сестрички. Их солдаты любили по-братски, берегли, за «цацу» могли запросто каску в мозги вмять где-нибудь в дальнем окопе.

Или вот ещё — тоже на дороге в столице. Ехали по какому-то проспекту или, может, улице — не суть, но очень широко. Женщина, пожилая, почти старуха, не по подземному переходу пош-

ла, а поверху, прямо между машинами. По глупости, конечно, бабской. И чего её понесло? Упала аккурат на середине, так машин десять объехали её, пока какой-то паренёк прямо перед ними не остановился, вышел да помог бабке на ноги встать. А Андрей на того паренёка обозлился. Из-за таких козлов, говорит, все пробки в Москве и случаются. Даже посигналил, чтобы, значит, быстрее старухе помогал. Силантий огладил бороду и подумал, что его Андрей тоже бы объехал, не задумываясь.

Про телевизор вообще говорить нечего. Внук научил, какие на пульте кнопки, какие стрелки жать, какие не трогать. И программ куча — по-новому назвать: каналов. У него-то всего три было, центральные, в основном новости и включал Силантий. А когда погас телевизор — ламповый ещё, во время этой клятой перестройки, так и не стал чинить. Не то что тратиться не хотел, а такие новости жить мешали. Старой радиоточки вполне хватало ему, чтобы понимать, что на белом свете творится. А тогда у внука в гостях смотрел Силантий в московской квартире эти новомодные каналы и ничего не понимал. Нет, о чем шла речь, было в общем ясно. Не понятно только, отчего смеются и чему хлопают. Кто пел — так голосов нет, одно кривлянье, а женское так почти голое. И чем меньше на такой фифе одежды, тем меньше она умела петь, а вот торгов, наоборот, больше. Шутили так же из телевизора не смешно как-то. Но вместо аплодисментов хохот — будто ему подсказывают, в каком месте смеяться нужно. Вот разговоры разные, споры — это интереснее уже показалось. Как будто в деревне на сходе: так же все кричат и слушают того, кто перекричит всех. И так же бабы кудахчут, и чем громче — тем глупее.

Как вернулся к себе Силантий, так ничего и не вспомнил, что показывали по телевизору, — как внук выражался, по «ящику». А внук, пока смотрел, и ржал, и причмокивал на этих голых безголосых, а как новости пускали — ругал высшую власть смачными словами. Хотя вроде с этой самой власти и питался.

Но, как бы там ни было, родни боле у деда Силантия не числилось, чтобы наследство отписать, значит. Так и просидел до темноты дед Силантий над листком в клеточку — думал, корпел. Кроме избы, ещё что-то нужно было внуку передать. Совет не совет... Кто стариковские советы сейчас

слушать будет! Но чувствовал Силантий: одной избы мало. Он зажёл лампу, потом выключил. Может, в темноте бы лучше ему думалось. Но в темноте вспоминать хорошо, а не думать. Потому снова включил Силантий лампу, придвинул к тетрадке поближе, чтобы глаза, значит, не устали раньше времени, и проверил который раз ручку на обратной стороне Меланьиной тетрадки.

По лампе и почуяла соседка неладное. Никогда дед Силантий днём свет жечь не стал бы. Бригада из района приехала не быстро, но к вечеру всё же добралась. Оформили умершего как полагается, удостоверили, выписали справку. Антонина заверила, что тут похоронит, поэтому никуда Силантия не повезли.

Участковый тоже не замаялся — всё было просто и даже обычно. Лишь когда извлек из-под потускневшей белёсой бороды листок бумаги, поскрёб затылок. Но, повертев в руках, никуда подшивать не стал, только головой покачал. Действительно, кто ж такое завещает? «...Добрых людей вокруг тебя, внучек, и сердца, чтобы добро хранить, а ещё...»

«Тоже мне, последняя воля», — участковый усмехнулся на «добрых людей». Оглянулся, куда бы деть, и, не найдя лучшего места, бросил листок в печку.

КУПАК

рассказ

По нынешним временам Викентий был не богат. Так, серединка среднего класса. Но жить любил со вкусом. Для вкусной жизни не нужно много денег — нужно немного вкуса.

И, действительно, зачем ты пьёшь дома чай в пакетиках — эту чайную труху, когда можно заварить листовую, байховый, да добавить туда чуток шиповника, цедры мандариновой, травы всякой — мяты, чабреца, душицы, того же иван-чая. Сходи на рынок да потраться на пару сотен рублей, оно того стоит. А салат зачем рафинированным маслом заправлять, когда есть кубанское ароматное? Это ж не масло — амброзия. Зайди в любой гипермаркет, оглянись — молока много, а можайское — в бутылочках — одно! Оно ж почти парное на вкус. А масло вологодское? Стоит, как

остальные масла, а другое... Не только по собственному вкусу, а потому, что со вкусом взбито — чувствуется, что маслоделы свою марку ценят, качеством гордятся, славой не брезгают. А беленькая? Тут, конечно, на каждого не угодишь, но пьёшь ты её, родимую, из чего? Что вынул из серванта, то и подставляй? Безыскусная стеклянная ёмкость... Рюмкой-то трудно назвать, не имеет она право на это звонкое имя. А вот купи на выставке лафитнички из Гусь-Хрустального, а лучше сам заезжай в тот городок по дороге в Муром или Владимир. Так и польётся водочка оттуда в тебя по-другому — со вкусом жизни, и жизни той прибавит, особенно после баньки.

Так вот как раз о бане... Решил Викентий построить на своем участке баню. Настоящую, русскую, на дровах. Посчитал прибыли, убытки — должно было хватить. Взял упреждение на «особенности национальной стройки» — под завязку, но всё равно хватало.

Викентий был средовеком — так в старину называли людей среднего возраста. С тех времён срок жизни как-никак увеличился, и средовек — это было сорок. Четыре десятка русской жизни — это тридцать пять сознательных — жизненная борьба у нас начинается с детского сада. Поэтому Викентий знал, что самых дешёвых мастеров брать не стоит. Дорогие тоже не нужны — норма прибыли заложена в пафосе и рекламе, но не в качестве. Лучше всего было бы взять по рекомендации, но из его друзей и знакомых строились только двое. Один, когда вспоминал о том периоде жизни, сразу терял цензурную речь, второй вроде бы остался доволен, но контакты за давностью лет утерял.

Викентий же хотел, чтобы было красиво. Даже не просто красиво, а как в сказке. Поэтому он решил построить дикий сруб, пусть из ели, на лиственницу бюджета уже не хватило бы никак, но чтобы бревна были срублены вручную, полуметровые комли торчали на разную длину, «юбка»¹ на них отчётливо различалась, проконопаченные не каким-то герметиком с паклей, а настоящим лесным мхом, и чтоб с резными наличниками и с красивым коньком.

Викентий сидел в интернете пять дней, звонил, выяснял, уточнял, сравнивал, оценивал и наконец-то остановился на компании «Леском». Было похоже на Ленком и подсознательно уверяло в художественности работ. Поначалу так и каза-

лось. Бравый менеджер Вовец Баранкин — так назвал себя высокий тощий хлыщ с подходящим к имени очёском на подбородке — разложил каталог. Ничего удивительного для себя Викентий не обнаружил — всё это и похлеще он уже видел в сети. Пролитав для надежности весь альбом, Викентий ткнул пальцем в картинку с баней, где почел бы за честь париться сам лучший — уж сказочней и придумать было нельзя. Особенно впечатлили двускатная крыша, поросшая травой, и входная группа с крыльцом на каменных столбах. С крыльцом выходило чуть дороже, но гулять так гулять. В смысле — строить так, чтобы не было обидно за потраченные деньги. Викентий подписал договор и пошел в дом за авансом.

— Нехилый домик! — Баранкин успел осмотреться и цокал языком. — На байке можно кататься.

Дом у Викентия был довольно средним по сравнению с дворцами олигархов, чиновников и генералов всех видов войск и служб — покосившейся избушкой. Поэтому цоканье оказалось неуместным и неприятным. Но решение было принято, договор подписан, аванс уплачен, симпатии-антипатии остались в недалеком прошлом. В будущем же сверкала и пахла свежим деревом сказочная эксклюзивная баня из «дикаря».

Будущее наступало очень постепенно. Лес зимней рубки, как утверждал Вовец, приехал к середине лета, когда Викентию нужно было уезжать в отпуск. Работники «Лескома» — трое щетинистых мужиков, похожих на партизан из того леса, где рубили эти бревна, — выгрузили их так, что закрыли не только подход к фундаменту, но и выход с участка во внешний мир. Викентий попросил разобрать завал.

— Эх, хозяин! Мы так кладем, чтоб опосля удобно собирать было! — выдвинул резон старший «партизан», бывший, видимо, за прораба.

— А как я выйду отсюда? Да еще с чемоданом? — скромно поинтересовался Викентий.

Партизан развел руками:

— Да по твоей усадьбе можно и в обход — во на земли сколько!

Земли было пятнадцать соток, но прозвучало минимум на гектар.

¹ При ручной обработке традиционным инструментом (топор, заточенная лопата, тесло, скобель) на конце бревна стараются сохранить ярко выраженную корневую часть — «юбку».

— Мне что, вдоль забора с чемоданами протискиваться? — попытался Викентий.

— А мы — ломовые лошади, что ли, чтобы брёвна издаля подтаскивать? — возразил «партизан».

Теперь руками развёл Викентий. В одной руке у него был мобильный, и Викентий стал набирать Баранкина. Абонент оказался не абонент.

Прораб со своим отрядом закурили.

— Ну хорошо, — пошел на компромисс Викентий. — Сколько времени уйдет на расчистку этого... завала?

— Эти в последнюю очередь положим, — успокоил «партизан». — Вишь, комли поменьше.

— А когда эта очередь наступит? — пытал Викентий.

Прораб снова развёл руками и выпустил в небо замысловатое сизое кольцо. Видимо, это означало «бог весть».

На следующий день под ехидные взгляды «партизан» с помощью соседа Викентий переправил оба чемодана через забор и пошёл по «дикарю» к калитке, балансируя, чтобы не провалиться и не застрять в щели между огромными брёвнами. Случись такое, в аэропорт уже можно было бы не торопиться, тем более такси уже два раза просигнало.

Всё-таки один раз сорвавшись, Викентий охнул и сел на бревно, массируя ушибленную лодыжку.

— Ишь, на моря собрался, кулак! А мы без выходов вкалывай! — донеслось из-за спины.

Повернуться из-за лодыжки было сложно, но Викентий узнал голос прораба.

— Точно! — добавил другой. — Таких Сталин раскулачивал на раз. Всё-таки трудяг тогда уважали, не то что этих...

За близким, но пока недоступным выходом третий раз просигнало такси. Политическая дискуссия снизила бы шансы вылета на курорт до абсолютного нуля, тем более нужно было забрать чемоданы у соседа. Вряд ли он любезно уже вынес их к дороге...

Когда Викентий вернулся из отпуска загоревший и помолодевший, брёвен у калитки не было. Не было и остальных — на участке, обильно посеянном окурками, сиротливо стоял голый фундамент.

Менеджер Иван, ответивший вместо уволившегося к тому времени Вовца, объяснил, что брёвна увезены на другой объект в связи с ошибкой Баранкина, перепутавшего накладные. Но они вот-вот завезут другие, и сроки сдачи бани если и пролонгируются, то совсем ненадолго.

— Всё-таки раскулачили, — вздохнул Викентий, положив трубку, взял грабли и пошел сгребать трудовые окурки.

С учётом года, требуемого на усадку, париться в лучшем случае в бане своей мечты он смог бы только на следующий Новый год. Но чем дольше ждешь, тем вкуснее, правда?

□

Дмитрий Александрович ДАРИН

родился в 1964 году в Ленинграде.

Окончил МГИМО,

доктор экономических наук.

Поэт, прозаик, публицист.

Автор более десяти книг.

Лауреат Большой премии им. С. Есенина

«О Русь, взмахни крылами» (2005),

Международного фестиваля патриотической песни

«Красная гвоздика» (2015, 2016),

литературной премии им. М.Ю. Лермонтова (2019),

национальной премии «Имперская культура» им. Э. Володина (2021)

и других.

Член Союза писателей России, Союза журналистов России.

